УДК 398.21
ББК 82.3

СЮЖЕТНЫЙ ТИП 510B «ОСЛИНАЯ ШКУРА» В ПОЛЬСКОЙ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ

ИВОНА ЖЕПНИКОВСКА
(Университет Николая Коперника в Торуни: Польша, 87–100, г. Торунь, ул. Фоса Старомейска, д. 3)

Аннотация. *В статье предпринята попытка проследить сюжетно-композиционные особенности и фольклорно-литературные источники польских вариантов всемирно известного сюжетного типа ATU 510B "Donkey Skin", повествующих о девушке, которая во избежание инцестуальных притязаний отца сначала требует сшить ей три чудесных платья, а затем звериный наряд. В нем она наконец покидает родной дом, нанимается служанкой в соседнем королевстве и после некоторых приключений выходит замуж за принца. В указателе сюжетных типов Юлиана Кшижановского сказки озаглавлены «Мышиная шубка» (T 510B "Mysi kożuszek") и составляют одну из трех разновидностей повествований о Золушке. Их анализ показывает, что в большей степени на них повлияла немецкая ("Allerleirauh" братьев Гримм), чем французская версия сказки о девушке, переодетой в звериный наряд ("Peau d'âne" Charlesa Perraulta). Несмотря на это, в финале героиня узнается принцем не по колечку, а по башмачку, т.е. подобно тому, как в повествованиях о Золушке.*

Ключевые слова: *королевна в ослиной коже, «Мышиная шубка», Золушка, инцест.*

Работа выполнена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования (Развитие гуманитарных наук «Традиция 1Б») № 1bH15018483. Руководитель гранта — доктор гуманитарных наук, профессор Университета Николая Коперника Виолетта Врублевска[1].

Дата поступления статьи: 20 октября 2018 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

Для цитирования: *Жепниковска И.* Сюжетный тип 510B «Ослиная шкура» в польской сказочной традиции // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 1. С. 43–51.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.004

Всемирно известные сказки о девушке, которая во избежание инцестуальных намерений отца сначала требует сшить ей три чудесных платья, а затем звериный наряд и в нем наконец покидает родной дом [ATU 510B "Donkey Skin"; Uther 2004, 295–296], в европейской литературной и фольклорной традиции приобрели популярность после публикации *Peau d'âne* Шарля Перро[2], а затем *Allerleirauh* братьев Гримм [Grimm 1812–1815]. Некоторые мотивы, однако, встречаются намного рань-

[1] См.: *Rzepnikowska I.* Kopciuszek // Polska bajka ludowa: Słownik. URL: http://bajka.umk.pl/ (дата обращения: 17.08.2018).

[2] Сказка Ш. Перро *Peau d'âne* впервые была опубликована в 1695 г., притом в стихотворной форме. Прозаическая версия сказки о девушке в ослиной шкуре появилась лишь в 1781 г. [Woźniak 2009/2010, 62; Monluçon 2016, 8].

ше, прежде всего у Джованни Страпаролы (*Piacevoli notti* 1, 4 (1550–1555)) и Джамбаттисты Базиле (*Lo cunto de li cunti overo lo trattenemiento de peccerille* 2, 6 (1634–1636)) [Bolte, Polivka 1913, 45–56; Krzyżanowski 1965, 179; Goldberg 1997, 28–46; Иванова 2005, 159; Jorgensen 2012, 91–92].

В указателе сюжетов Юлиана Кшижановского сказка о девушке, переодетой в звериный наряд, существует под названием «Мышиная шубка» [T 510B "Mysi kożuszek", Krzyżanowski 1962, 163–164] и представляет собой одну из трех разновидностей сюжета о Золушке (T 510A "Kopciuszek", T 510C "Kopciuszek").

В настоящее время известно 15 вариантов сказки, причем 14 из них отмечены Кшижановским[3]. Первая запись относится к 30-м годам XIX в. [Wójcicki 1837, 52–61, 62–65], самый поздний вариант был зафиксирован в 20-х годах XX в. в Кашубии [Lorentz 1924, 773–775]. Наибольшее количество записей было сделано в Малопольше (5), затем в Кашубии (3) и Силезии (3), единичные варианты — в Мазовии и Куявии.

Анализ польских вариантов сказки о Мышиной шубке показывает, что в устной традиции была известна как немецкая, так и французская редакция сюжета. Всё же большей популярностью пользовалась сказка братьев Гримм, что, по всей вероятности, обусловлено лучшим знанием исполнителями и их слушателями именно сборника *Kinder- und Hausmärchen*, чем антологии Перро, особенно во время германизации польских земель, когда сказки братьев Гримм использовались в учебниках по немецкому языку [Krzyżanowski 1980, 270][4]. Близость к западноевропейским обработкам сказки выявляется, скорее всего, на уровне отдельных мотивов и эпизодов, чем всего текста в целом. Даже о вариантах, которые обнаруживают самое выразительное сходство со сказкой о Пестрой [Lorentz 1913, 217; 1924, 773] или Ослиной шкурке [Malinowski 1900, 20], нельзя сказать, что они являются пересказом одного из упомянутых первоисточников. Сохранение основных отличительных признаков обеих западноевропейских редакций сказки, в том числе такого же звериного наряда девушки, рода ее занятий в качестве служанки, обстоятельств встречи героини в облике красавицы с принцем, при одновременном несоблюдении других опознавательных знаков (например, способа узнавания истинной героини принцем) позволяет усомниться в сознательной ориентации исполнителей на воспроизведение конкретного текста.

За немногими исключениями [Wójcicki 1837, 52; Kolberg 1964 (1888), 172; Ciszewski 1894, 144; Lorentz 1913, 206], польские сказки типа T 510B начинаются с мотива инцеста, который, как правило, никогда не осуществляется. В подавляющем большинстве случаев отец претендует на брак с дочерью, реже брат стремится жениться на сестре [Kozłowski 1869, 362; Wójcicki 1837, 62][5]. В двух вариантах,

[3] Одну из записей, отнесенных Кшижановским к типу T 510B, следует признать скорее реализацией сюжета T 510A "Kopciuszek" [Kosiński 1881, 230]. Завязку действия составляет мотив преследования дочерей матерью, которые изгоняются в лес, притом одновременно все сразу, что нехарактерно для сюжетов о невинно гонимых. Они дважды возвращаются домой, сначала по оставленным следам — рассыпанным хлебным зернам, а потом дорогу им указывает клубочек. Изгнанные в третий раз девушки нанимаются на службу, но хозяева оказываются людоедами. Это, в свою очередь, обусловливает использование сказочником мотивов из T 327, особенно T 327A "Czarownica i dzieci (Jaś i Małgosia) ". И лишь после этого сказка переходит в T 510A. Появляются такие характерные мотивы, как преследование младшей героини старшими сестрами, бал и узнавание красивой танцовщицы по потерянному башмачку, отрезание пальцев завистливыми соперницами.

[4] Вплоть до первой половины XX в. сказки Перро не вызывали в Польше особого интереса, а если и переводились, то это были в основном адаптации, иногда настолько отдаленные от оригинала, что в публикациях даже не указывалось имя автора [Woźniak 2009/2010, 63–64]. Возможно, именно такие анонимные переложения сказок французского писателя были известны в XIX в. в крестьянской среде. Относительно верный перевод прозаического варианта сказки о девушке в ослиной шкурке появился лишь в 1961 г. [Perrault 1961], а в 2016 г. Ш. Цалек перевел стихотворную версию текста Перро [Perrault 2016]. Многим искажениям в переводе на польский язык подвергались и сказки братьев Гримм. В данной статье я пользуюсь новейшим их переводом, выполненным Э. Петюль-Карминьской [Baśnie 2004, 368–376].

[5] О возможном происхождении сказочного мотива брака царя с собственной дочерью см. работу Р. Г. Назирова [Назиров 1984, 21].

зафиксированных в Кашубии, инцестуальные притязания отца объясняются примерно так же, как в немецкой версии сказки, т.е. желанием сдержать слово, данное умирающей супруге, жениться повторно, но лишь на такой же красавице, как она [Lorentz 1913, 217; 1924, 773]. Притом пропускается такая отличительная черта внешности королевы, как золотые волосы [Malinowski 1900, 20]. Реже вторая жена государя должна быть равной по красоте их дочери [Kowerska 1897, 103]. Внешнее сходство дочери с матерью служит оправданием матримониальных планов героя сказки в записях, сделанных в Малопольше [Ciszewski 1887, 81] и Силезии [Malinowski 1900, 77]. Иногда герой отправляется на поиски такой же привлекательной девушки, как его дочь (сестра), но все усилия оказываются безуспешными [Wójcicki 1837, 62–63; Kowerska 1897, 103; Malinowski 1900, 20].

Польские сказочники редко следуют немецкой «Пестрой шкурке», согласно которой инцестуальное преследование девушки, как правило, осуждается повествователем: "Oto król, przyjrzawszy się lepiéj własnéj córce, lekceważąc przykazania boskie, nieporządną ukochał ją miłością. Panna była przyzwojita i pobożna, to téż rzecz zmiarkowawszy wszelkiemi sposobami od sromoty uchronić się chciała. Prośby jéj jednak i błagania nie zmiękczyły ojca; oświadczył on publicznie, że się z nią żenić będzie" [Kolberg 1962 (1875), 57], ср.: [Wójcicki 1837, 64].

Девушке, перепуганной перспективой брака с собственным отцом, часто оказывают помощь представители иного мира (Богоматерь [Ciszewski 1887, 81; Kolberg 1964 (1888), 173], Ангел-хранитель [Kolberg 1962 (1875), 57], умершая мать [Kowerska 1897, 103], лесная старушка [Lorentz 1913, 217; 1924, 773], колдунья [Malinowski 1900, 20]), которых можно считать эквивалентом феи — крестной матери из французской редакции сказки, не появляющейся, как известно, в варианте братьев Гримм: "Pewien król miał bardzo ładną żonę, którą nadzwyczajnie kochał. Kiedy po kilkunastoletnim pożyciu żona ta umarła, król postanowił ożenić się z pozostałą po niej córką, bardzo podobną do matki. Królewna, dowiedziawszy się o tem, zaczęła się najokropniej martwić i smucić. Wzruszyło to Matkę Boską, która objawiła się królewnie w postaci starej babki i doradziła jej, ażeby postawiła ojcu tak trudne do wykonania warunki, przed którymi będzie musiał się cofnąć" [Ciszewski 1887, 81].

С целью избежать нежелательного брака принцесса требует сшить ей необычные платья, в характеристике которых появляются цвета небесных светил — солнца, луны и звезд, подобно тому, как в сказке братьев Гримм [Wójcicki 1837, 63; Petrow 1878, 149; Kowerska 1897, 103–104; Malinowski 1900, 77; Malinowski 1900, 20]. В двух кашубских вариантах, кроме нарядов цвета солнца и луны, по приказу принцессы шьют еще платье небесного цвета, что скорее напоминает французскую версию сказки [Lorentz 1913, 217; 1924, 773]. Как, в свою очередь, показывают записи, сделанные в Малопольше, принцесса может довольствоваться лишь двумя платьями (золотым и серебряным [Ciszewski 1887, 81]) или, напротив, увеличить их количество: "Zmartwiona, nie wiedząc już co począć, umyśliła trudnościami odstraszyć ojca od tego zamiaru. A że zwyczaj chce, aby narzeczona od narzeczonego jakieś odbierała upominki, więc zażądała od ojca, aby jéj sprawił przed ślubem pięć sukien, a mianowicie: jedną jak niebo, drugą *jak gwiazdy*, trzecią *jak księżyc*, czwartą *jak słońce*, piątą *jak kocie oczy*. Prosiła nadto, żeby te suknie były z tak cienkiéj zrobione materyi, iżby je w malutkiéj pomieścić mogła torbeczce ręcznéj" [Kolberg 1962 (1875), 57].

Специфику польских вариантов сказки T 510B во многом обусловливает вид материи, использованной для изготовления последнего наряда, с помощью которого принцесса окончательно пытается расстроить матримониальные планы отца. Как упоминалось выше, известная по сказке Перро шкура осла, чьи экскременты обеспечивают государственную казну, встречается крайне редко [Malinowski 1900, 20], как и плащ из тысячи кусочков меха животных, заказанный гриммовской принцессой [Lorentz 1913, 217; 1924, 773]. Наряд (шубка, плащ) героини польских сказок отличается некоторой вариативностью, поскольку его изготавливают из шкурок мышей [Ciszewski 1887, 81; Kowerska 1897, 104; Malinowski 1900, 77], свиньи [Kolberg 1964 (1888), 172], барана [Wójcicki 1837, 52] или вши [Petrow 1878, 149]. Функционально им соответствуют чудесная коляска [Wójcicki 1837, 52] и платье как кошачьи

глаза ("suknia jak kocie oczy" [Kolberg 1962 (1875), 57]), способные сделать девушку видимой или нет, т.е. выполняющие ту же роль «талисманов невидимости», что и шкурки животных [Назиров 1984, 26]. Героиня одного из кашубских вариантов убегает от своего преследователя (угнетающей ее мачехи), превратившись в птицу, что становится возможным благодаря волшебному кольцу — подарку от умершей матери [Lorentz 1913, 206]. Именно необычная одежда часто лежит в основе номинаций героини, но она может именоваться также по виду ее обязанностей (ср.: popielucha [Petrow 1878, 149], popieluszka [Ciszewski 1894, 144]).

Когда отец успешно справляется со всеми невыполнимыми, как полагала девушка, задачами, она бежит из дома, переодевшись в звериный наряд. Притом ни в одной из записей не появляется мотив золотых предметов — колечка, прялочки и мотовильца, которые берет с собой героиня сказки братьев Гримм. Крайне редко уточняется, что девушка делает с драгоценными платьями. Известно лишь, что она их надевает на себя [Lorentz 1913, 217], прячет в сундук, который в нужное время вызывает при помощи чудесной палки [Malinowski 1900, 20] или оставляет с нарядами в дубе [Petrow 1878, 149; Ciszewski 1887, 82]. Известная по гриммовскому варианту ореховая скорлупа как вместилище чудесных платьев не появляется.

Иногда в организации побега принцессы определенную роль играют помощники: умершая мать [Kowerska 1897, 103], Ангел-хранитель [Kolberg 1962 (1875), 57] и Богоматерь [Ciszewski 1887, 81–82; Kolberg 1964 (1888), 173]: "Przybył téż we śnie Anioł Pański cnotliwéj królewny, oznajmiając wyswobodzenie w ten sposób: Gdy się do ślubu w zamkniętym pokoju ubierać będziesz, wydal od siebie wszystkich na chwilę; dopiero pluń na okno i uciekaj, a ślina za ciebie odpowiadać będzie; wybiegłszy do miasta, wsiądź do pocztowego powozu i jedź, a tam kędy cię zawiezie, czekać cię będzie szczęście" [Kolberg 1962 (1875), 57].

В вариантах, зафиксированных в Малопольше, бегству королевны способствует туман, который расстилается в день свадьбы благодаря вмешательству Богоматери [Ciszewski 1887, 82], говорящая ее голосом слюна [Kolberg 1962 (1875), 57], или дорогу ей указывает клубочек, подаренный голубями-посланниками Девы Марии [Kolberg 1964 (1888), 173]; ср. умершей матерью [Kowerska 1897, 104], приведший ее, наконец, к дубу, содержащему внутри различные драгоценности. В одном случае роль помощника героини играет земля [Wójcicki 1837, 64]. Девушка, легкомысленно пообещав брату выйти за него замуж, если он во всем мире не найдет такой же красивой кандидатки в жены, как она, сначала требует сшить ей драгоценные платья, затем сделать волшебную коляску, а когда эти попытки избежать брака оказываются безуспешными, обращается к земле с просьбой поглотить ее, что и происходит: "Weszła do osobnéj komnaty, odprawiła skrycie sługę, a sama stojąc na wózku, poczęła szaty oblekać. W on czas czyli suknie kładła, czy zapinała, przemawiała takie słowa: Rozstąp się, ziemio! Brat siostrę za żonę bierze: To wielki grzéch! Gdy już gotowa do ślubu stała, ziemia się rozstąpiła, i piękna królewna zapadła się z wózkiem, lecz wpiérw plunęła i téj ślinie nakazała, by głosem służebnéj mówiła" [Там же, 64].

Крайне драматичным выглядит положение другой девушки, отвергшей матримониальное предложение брата, поскольку ее отдают на съедение собаке, которая в доказательство должна принести сердце жертвы [Kozłowski 1869, 363], т.е. до определенной степени близко тому, как это происходит, например, в сказках о Белоснежке.

Иногда завязку сюжета составляет мотив преследования падчерицы мачехой, притом в форме, характерной для других сказок о невинно гонимых, в том числе для T 510A "Kopciuszek" [Ciszewski 1894, 144; Lorentz 1913, 206] и T 709 "Dziewczyna w szklanej trumnie (Snow-white — Sneewittchen)" [Kolberg 1964 (1888), 172]: "Jedna królowa ładna miała pasierbicę jesce ładniejsą. Spojźrała w lustro i pyta się lustra: cy ja ładna? A tam w lustrze coś odpowiada: "Ładna, ale pasierbica ładniejsa". A znów ta pasierbica miała swoje w dębie komnaty bogate i różne stroje. Więc ile razy ta królowa pojechała w niedzielę do kościoła, to pasierbicy nigdy nie brała ino ji duzą zostawiła robotę, a óna się uwinęła z robotą, ustroiła i posła do kościoła" [Kolberg 1964 (1888), 172].

Вернувшись из церкви, мачеха приказывает слуге убить превосходящую ее красотой девушку, которая в соответствии

с развитием действия в вариантах сюжета Т 709 спасается. Затем сказка опять переходит в тип Т 510А и только после этого наконец в Т 510В, поскольку сначала героиня попадет к чудесному дубу с различными драгоценностями, а потом в свиньей шубке нанимается на службу пастушкой [Там же, 173][6].

Переодетая в звериную шубку девушка успешно преодолевает все препятствия, покидает дом и обычно сразу добирается до соседнего государства (города). Исключение составляют два варианта, несколько напоминающие сказку о Пестрой шкурке. Перед тем как попасть на службу, героиня некоторое время находится в уединении: три дня живет в дубе, обеспечивающем все ее потребности [Kowerska 1897, 104], или отдыхает под копной сена, где обнаруживает ее охотник [Malinowski 1900, 78].

Повествовательное ядро сюжета составляет многократное изменение героиней внешнего облика посредством переодевания, с чем связана смена социального статуса [Краюшкина 2008]. Она выстраивается по следующей модели: скрывая свое истинное происхождение под необычным нарядом, девушка нанимается помощницей на кухне в королевской замок (в имение некоего богатого человека), а затем трижды появляется на балу (в церкви) в чудесных платьях, но каждый раз возвращается к своим прежним занятиям.

Довольно редко речь идет о том, что именно девушка делает как служанка. Иногда известно, что она выполняет самую грязную работу, например, топит печку [Kowerska 1897, 104], выносит золу [Petrow 1878, 149; Ciszewski 1894, 144; Malinowski 1900, 78], или должна выполнить задачи, похожие на поручения мачехи из сказок о Золушке [Wójcicki 1837, 53; Kozłowski 1869, 363]. В двух записях она определяется на службу пастушкой [Kolberg (1964 (1888), 173; Malinowski 1900, 20].

Характерным для многих польских записей сказки о Мышиной шкурке является мотив грубого обращения и унижения, которому девушку-служанку подвергает принц, подобно немецкой версии сказки [Wójcicki 1837, 54; Kozłowski 1869, 363; Petrow 1878, 149–150; Ciszewski 1887, 82–83; Kolberg 1964 (1888), 174; Ciszewski 1894, 144; Kowerska 1897, 104–105; Malinowski 1900, 77]. Героиня намекает на испытанные унижения во время встречи с юношей, когда она предстает перед ним в облике красавицы. В ее ответах на вопрос, откуда она, появляются названия предметов, которыми принц ударил ее как девушку-служанку: “W niedzielę królewicz chce wyjechać do kościoła. Umył się i chce się uczesać, a tu grzebienia nie ma. “Podaj grzebień!” Nim lokaj zdążył podać, popielucha już podała, za co dostała po karku. <…> weszła do kościoła, a ludziska zamiast na ołtarz, ciągle się na nią patrzyli. Królewicz przygląda się także ciekawie, <…> A kiedy zobaczył jéj maluśką nóżkę, w miałki trzewik obutą, nie mógł wytrzymać i posłał lokaja dowiedzieć się, skąd by ona była. Powiedziała, że z Grzebieniowa” [Petrow 1878, 149–150].

Как правило, никто не в состоянии правильно понять намек, что замарашка и красавица в церкви (на балу) — это одна и та же девушка.

Отличительной чертой почти половины польских вариантов сказки о Мышиной шкурке является костел как место встречи девушки с принцем [Wójcicki 1837, 54; Kolberg 1962 (1875), 59; Kozłowski 1869, 363; Petrow 1878, 149; Ciszewski 1887, 82; Kolberg 1964 (1888), 173; Kowerska 1897, 104]. Но также часто им является королевский дворец, в котором устраивается бал, подобно тому, как это происходит в сказках о Золушке. Лишь в одной записи из Силезии, явно возникшей под влиянием французской редакции сказки, сын работодателя героини случайно увидел ее в тот момент, когда она, устав от своих скучных занятий, надевает золотое платье, чтобы хоть овцы на нее полюбовались [Malinowski 1900, 21].

Характерным именно для сказок типа «Мышиная шкурка» следует признать мотив зависимости героини от повара, у которого она просит разрешения сходить к обедне или посмотреть на бал [Petrow 1878, 149; Ciszewski 1887, 82; Malinowski 1900, 77; Lorentz 1913, 217; 1924, 773]. Обычно повара приходится уговаривать, а в одном случае девушка добивается согласия с помощью подаренных мужчине

[6] Независимо от начала сказкой осуждается «неправильный» брак, но в случае преследования падчерицы мачехой имеется в виду нарушение эндогамии, а в случае инцестуального преследования дочери отцом (или сестры братом) речь идет о нарушении экзогамии [Мелетинский].

золотых плодов (яблока, груши и сливы) [Malinowski 1900, 78–79].

На основании проведенного анализа видно, что у героини «Мышиной шубки» много общего с Золушкой. Сказанное подтверждается похожей разработкой нескольких мотивов, в том числе мотива потерянной туфельки, прилипшей к намазанной смолой поверхности. Это опознавательный знак как Золушки, так и героини большинства вариантов сказок о девушке в звериной шубке. Всё же этому не сопутствует мотив подмененной невесты, которая для достижения цели калечит себе ступни. Кстати, это мало характерно и для польских сказок типа T 510A [Rzepnikowska].

Лишь в текстах, зафиксированных в Кашубии, и в одном тексте из Малопольши опознавание красавицы происходит по колечку, подаренному ей юношей [Lorentz 1913, 206, 219; 1924, 775; Kolberg 1962 (1875), 60]. Но это лишь отчасти напоминает немецкую редакцию сказки, поскольку мужчина обнаруживает украшение не на пальце возлюбленной, а в приготовленном для него блюде, что, в свою очередь, отсылает нас к французскому варианту сюжета: "Utajona królewna-klucznica-kocie oczy, dowiedziawszy się o pańskim grymasie, odebrała kucharzowi rondelek i sama zatarła w nim kluseczki, w które rzucony jéj włożyła pierścień. Przynoszą kluseczki z mlékiem do pokoju królewicz; ten wielce w nich smakuje, a gdy znalazł zatarty pierścień w cieście, jeszcze mu się lepszemi wydały" [Kolberg 1962 (1875), 60].

Всё же за этим не следуют попытки отыскать владелицу украшения; не отмечается также исключительно маленький его размер. Интересно отметить, что в реализации сюжета, наиболее близкого к сказке Перро, героиня готовит заболевшему от любви принцу пирог, но в ее идентификации как невесты решающую роль играют ее красивые ладони: "I óna sobe kázawa přińéś fajnej mǫki i sevlékwa sobe po wokeć z rǫk tę oślǫ skórę i vidżawa pańi, że mawa bar-zo šumne ręce i zradovawa śe, że to jes jakáśi prencezna. I nagotovawa podpwomyk bar-zo dobry. Jag go ten sen počew jeś, zaráz byw zdrovy i prošiw tej matki, žeby mu ńebrońiwa se za žonę vźǫńć" [Malinowski 1900, 21].

Девушка, несколько раз менявшая на протяжении всего действия свою внешность, в финале сказки обычно сразу преображается в красавицу и больше не скрывает свое тождество[7]. Как отмечалось выше, узнавание героини означает восстановление ее прежнего статуса, поскольку почти во всех сказках она является дочерью короля, т.е. изначально занимает высокое положение. Бывает, что, несмотря на успешное испытание туфелькой, девушка некоторое время стоит перед принцем в таком же непримечательном виде, подвергая юношу своеобразному тесту на проявление определенных человеческих добродетелей. Он с удовольствием избежал бы женитьбы на уродливой девушке, но, как человек ответственный и честный, должен сдержать данное слово, за что и награждается [Kolberg 1964 (1888), 174].

Проведенный анализ не претендует на выявление национального своеобразия польских реализаций сюжета T 510B. Для решения этого вопроса недостаточно рассмотреть лишь сюжетно-композиционные особенности вариантов. Надо еще изучить их проблематику и поэтику, систему персонажей, жанровые свойства, но прежде всего необходимо обратиться к широкому корпусу текстов, учитывающему межэтнический материал. Чем большим набором вариантов располагает сказковед, тем больше возможностей для изучения сюжета в сравнительно-сопоставительном и сравнительно-типологическом плане.

Источники и материалы

Baśnie 2004 — Baśnie braci Grimm / Пер. Pieciul-Karmińska E. Poznań, 2004.

Ciszewski 1887 — *Ciszewski S.* Lud rolniczo-górniczy z okolic Sławkowa w powiecie olkuskim opisał… Ч. II // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. T. 11. Kraków, 1887. C. 1–129.

Ciszewski 1894 — *Ciszewski S.* Krakowiacy: Monografia etnograficzna. T. 1. Kraków, 1894.

Grimm 1812–1815 — *Grimm W. J.* Kinder- und Hausmärchen. Berlin, 1812–1815.

Kolberg 1962 (1875) — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Krakowskie. T. 8. Ч. IV. Wrocław; Poznań, 1962 (1875).

[7] Собственно, до этого героиня отрицает даже самотождественность, как бы оказываясь двойником себя самой, т.е. является и «той» и «не той» одновременно, не тождественной самой себе [Дубровская 2004].

Kolberg 1964 (1888) — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Radomskie. T. 21. Ч. II. Wrocław; Poznań, 1964 (1888).

Kowerska 1897 — *Kowerska Z.* O mysim kożuszku // Wisła. T. 11. Ч. I. Warszawa, 1897. C. 103–105.

Kozłowski 1869 — *Kozłowski K.* Lud. Pieśni, podania baśnie, zwyczaje, przesądy ludu z Mazowsza czerskiego. Warszawa, 1869.

Lorentz 1913–1914 — *Lorentz F.* Teksty pomorskie, czyli słowińsko-kaszubskie. Z. 1–2. Kraków, 1913–1914.

Lorentz 1924 — *Lorentz F.* Teksty pomorskie, czyli słowińsko-kaszubskie. Z. 3. Kraków, 1924.

Malinowski 1900 — *Malinowski L.* Powieści ludu polskiego na Śląsku // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. T. 4. Kraków, 1900.

Perrault 1961 — *Perrault Ch.* Bajki babci Gąski. 1697 / Пер. H. Januszewska. Warszawa, 1961.

Perrault 2016 — *Perrault Ch.* Ośla skórka. Baśń / Пер. Sz. Całek // Creatio Fantastica. R. XII. 2016. № 2. C. 1–20. URL: https://creatiofantastica.files.wordpress.com/2016/08/lit-charles-perrault-oc59bla-skc3b3rka-bac59bc5841.pdf (дата обращения: 17.11.2017).

Petrow 1878 — *Petrow A.* Lud ziemi dobrzyńskiej, jego charakter, mowa, zwyczaje, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1878. T. 2. Ч. III.

Wójcicki 1837 — *Wójcicki K.* Klechdy: starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi. T. 2. Warszawa, 1837.

Исследования

Дубровская 2004 — *Дубровская Е. А.* Узнавание суженого/суженой в сказочных сюжетах. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/dubrovskaya1.htm (дата обращения: 25.11.2017).

Иванова 2005 — *Иванова Э. И.* Замарашка // Сказочная энциклопедия / Ред. Н. Будур. М., 2005. С. 159–160.

Краюшкина 2008 — *Краюшкина Т. В.* Группа мотивов изменения внешнего облика человека в русской народной волшебной сказке: типы и функции. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gruppa-motivov-izmeneniya-vneshnego-oblika-cheloveka-v-russkoy-narodnoy-volshebnoy-skazke-tipy-i-funktsii (дата обращения: 26.11.2017).

Мелетинский — *Мелетинский Е. М.* Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре). URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky13.htm (дата обращения: 25.11.2017).

Назиров 1984 — *Назиров Р. Г.* Сказочные талисманы невидимости // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. / Отв. ред. Т. М. Акимова, Л. Г. Барag. Уфа, 1984. С. 19–33.

Bolte G., Polivka 1913 — *Bolte G., Polivka J.* Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. T. 2. Leipzig, 1913.

Goldberg 1997 — *Goldberg Ch.* The Donkey Skin folktale cycle (AT 510B) // The Journal of American Folklore. 1997. № 435. Vol. 110. P. 28–46.

Jorgensen 2012 — *Jorgensen J.* Sorting out Donkey Skin (ATU 510B): Toward an integrative literal-symbolic analysis of fairytales // Cultural Analysis. 2012. № 11. C. 91–120. URL: http://digitalcommons.butler.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1664&context=facsch_papers (дата обращения: 17.11.2017).

Krzyżanowski 1962 — *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. 1. Warszawa, 1962.

Krzyżanowski 1965 — *Krzyżanowski J.* Kopciuszek // Słownik folkloru polskiego / Ред. J. Krzyżanowski. Warszawa, 1965.

Monluçon 2016 — *Monluçon A.* — *M.* Autoreferencyjność w dwóch baśniach europejskich: w "Oślej Skórce" Charlesa Perraulta i w "O głupim, co ożeniuł się z królowną i został królem" (baśń polska) / Пер. A. Całek // Creatio Fantastica. 2016. № 2 (53). C. 7–20. URL: https://depot.ceon.pl/bitstream/handle/123456789/12813/Strony%20od%20CF%202%20%2853%29%202016.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 17.11.2017).

Rzepnikowska — *Rzepnikowska I.* Kopciuszek // Polska bajka ludowa. Słownik. URL: http://bajka.umk.pl/ (дата обращения: 17.11.2017).

Uther 2004 — *Uther H.-J.* The types of international folktales. A classification and bibliography. Helsinki, 2004.

Woźniak M. 2009/2010 — *Woźniak M.* Jak to z "Kotem w butach" było. Baśnie Charles'a Perraulta w przekładzie i w adaptacji Hanny Januszewskiej // Przekładaniec. 2009/2010. T. 22–23. C. 59–79.

© И. Жепниковска, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жепниковска И. https://orcid.org/0000-0001-5709-1714

Доктор гуманитарных наук, профессор кафедры славянской филологии Университета Николая Коперника в Торуни: Польша, 87-100, г. Торунь, ул. Фоса Старомейска, д. 3;

тел.: + 48 (56) 611-37-83; e-mail: iwo@umk.pl

STORIES OF THE ATU 510B "DONKEY SKIN" TYPE IN THE POLISH FAIRYTALE TRADITION

IWONA RZEPNIKOWSKA
(Nicolaus Copernicus University in Toruń: 3, Fosa Staromiejska, 87–100, Toruń, Poland)

Summary. *This article analyzes the composition and literary and folk origins of the well-known international folktale type ATU 510B, "Donkey Skin", whose plot concerns a father's plan to marry his daughter. The girl is terrified at the prospect of the marriage and at first demands that she be made three marvellous dresses and then clothes made from animal hide. She finally leaves her family home and hires herself out as a servant in a neighbouring kingdom. After many adventures, the girl marries a prince. In Polish oral folklore, stories of this kind exist under the name "Mysi kożuszek" (T 510B "Mouseskin Coat"); they belong to one of three varieties of Cinderella folktales. Analysis shows that they were more influenced by the German variant (Allerleirauh by the Brothers Grimm) than by the French version (Peau d'âne by Charles Perrault), also about a young girl who wears animal-skin clothes. At the end of the tale, the prince usually recognizes the heroine not by a ring but by a slipper, which marks it as closer to stories about Cinderella.*

Key words: *princess in Donkey Skin, Mouse skin coat, Cinderella, incest.*

Acknowledgements. *The work was carried out under a grant from the Ministry of Science and Higher Education (Development of Humanitarian Sciences "Tradition 1B") No. 1bH15018483. The head of the grant is Violetta Wróblewska, DSc in Humanities, Professor at the University of Nicolaus Copernicus.*

Received: October 20, 2018.

Date of publication: March 25, 2019.

For citation: Rzepnikowska I. Stories of the ATU 510B "Donkey Skin" type in the Polish fairytale tradition. *Traditional culture.* 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 43–51. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.1.004

References

Bolte G., Polivka J. (1913) Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. T. 2. Leipzig. In German.

Dubrovskaya E. A. (2004) Uznavaniye suzhenogo/suzhenoy v skazochnykh syuzhetakh [Recognition of a betrothed in fairytale plots]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/dubrovskaya1.htm (retrieved: 25.11.2017). In Russian.

Goldberg Ch. (1997) The Donkey Skin folktale cycle (AT 510B). *The Journal of American Folklore.* 1997. No. 435. Vol. 110. Pp. 28–46. In English.

Ivanova E. I. (2005) Zamarashka [Draggletail]. In: Skazochnaya entsiklopediya [Fairytale encyclopedia]. Pp. 159–160. Moscow. In Russian.

Jorgensen J. (2012) Sorting out Donkey Skin (ATU 510B): Toward an integrative literal-symbolic analysis of fairytales. *Cultural Analysis.* 2012. No. 11. Pp. 91–120. URL: http://digitalcommons.butler.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1664&context=facsch_papers (retrieved: 17.11.2017). In English.

Krayushkina T. V. (2008) Gruppa motivov izmenenia vneshnego oblika cheloveka v russkoy narodnoy volshebnoy skazke: tipy i funktsii [A group of motifs concerning changing a person's appearance in the Russian fairytale: types and functions]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gruppa-motivov-izmeneniya-vneshnego-oblika-cheloveka-v-russkoy-narodnoy-volshebnoy-skazke-tipy-i-funktsii (retrieved: 26.11.2017). In Russian.

Krzyżanowski J. (1962) Polska bajka ludowa w układzie systematycznym [The Polish folktale in systematic order]. T. 1. Warsaw. In Polish.

Krzyżanowski J. (ed.) (1965) Kopciuszek. Słownik folkloru polskiego [Cinderella. Dictionary of Polish folklore]. Warsaw. In Polish.

Meletinsky E. M. (URL) Zhenit'ba v volshebnoy skazke (yeye funktsiya i mesto v syuzhetnoy strukture)) [Marriage in the fairytale (its function and place in the plot structure)]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky13.htm (retrieved: 25.11. 2017). In Russian.

Monluçon A.-M. (2016) Autoreferencyjność w dwóch baśniach europejskich: w «Oślej Skórce» Charlesa Perraulta i w "O głupim, co ożeniuł się z królowną i został królem" (baśń polska) [Autoreferentiality in two European fairytales: "Donkey Skin" by Charles Perrault and the Polish fairytale "About a fool who married a princess and became king"]. Trans. by A. Całek. *Creatio Fantastica.* 2016. No. 2 (53). Pp. 7–20. URL: https://depot.ceon.pl/bitstream/handle/123456789/12813/Strony%20od%20CF%202%20%2853%29%202016.pdf?sequence=1&isAllowed=y (retrieved: 17.11.2017). In Polish.

Nazirov R. G. (1984) Skazochnye talismany nevidimosti [Fairytale talismans of invisibility]. In: Folklor narodov RSFSR [Folklore of the peoples of the RSFSR]. Interuniversity scientific collection. Ed. by T. M. Akimova, L. G. Barag. Ufa. Pp. 19–33. In Russian.

Rzepnikowska I. (URL) Kopciuszek [Cinderella]. In: Polska bajka ludowa. Słownik. [The Polish folktale. Dictionary]. URL: http://bajka.umk.pl/ (retrieved: 17.08.2018). In Polish.

Uther H.-J. (2004) The types of international folktales. A classification and bibliography. P. I. Helsinki. In English.

Woźniak M. (2009/2010) Jak to z "Kotem w butach" było. Baśnie Charles'a Perraulta w przekładzie i w adaptacji Hanny Januszewskiej [How it was with "Puss in Boots": Charles Perrault's tales in Hanna Janushevska's translation and adaptation]. *Przekładaniec.* 2009/2010. No. 22–23. Pp. 59–79. In Polish.

© I. Rzepnikowska, 2019

ABOUT THE AUTHOR

Iwona Rzepnikowska https://orcid.org/0000-0001-5709-1714
E-mail: iwo@umk.pl
Тел.: + 48-56-611-37-83
3, Fosa Staromieska, 87-100, Toruń, Poland
DSc in Humanities, Professor of Slavic Languages, Nicolaus Copernicus University in Toruń

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)